

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 811.521+81.139

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Ульяна Петровна Стрижак

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Для контактов: ustrizhak@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования параллельных корпусов для решения задач, связанных с грамматическим описанием языка перевода, и обосновывается положение об эпистемологической ценности переводных текстов. Параллельные корпуса текстов чаще используются в сопоставительном аспекте, при том, что они обладают значимым содержательным и эпистемологическим потенциалом для систематизации лингвистического знания и о языке перевода. В данной работе, выполненной в рамках общего исследования японской агентивности, описан опыт изучения корпусного материала с целью выделить повторяющиеся модели в языке перевода и определить закономерности распределения агентивных признаков в японском высказывании. Исследование осуществлено на материале авторского параллельного русско-японского корпуса художественных произведений, в котором задокументированы синтаксически размеченные маркированные случаи воздействия неодушевленного субъекта на человека, нарушающие иерархические представления японцев о субъектно-объектном взаимодействии и требующие соответствующей грамматической трансформации. Совокупность выявленных на материале параллельного корпуса грамматически нетождественных компонентов синтаксической структуры исходного и переводного текста послужила отправной точкой для последующего детального

разбора механизма распределения синтаксических и семантических ролей в японском предложении.

Ключевые слова: переводные тексты, параллельный корпус, эпистемологический потенциал, язык перевода, агентивность, японский язык

Для цитирования: Стрижак У.П. Эпистемологический потенциал переводных текстов (на материале русско-японского параллельного корпуса художественных произведений) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С.93–109. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109

Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 24.04.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

EPISTEMOLOGICAL POTENTIAL OF TARGET TEXTS: A CASE STUDY OF THE RUSSIAN-JAPANESE PARALLEL FICTION CORPUS

Ulyana P. Strizhak

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

For contacts: ustrizhak@hse.ru

Abstract. This paper discusses the possibility of using a parallel text corpus to study grammatical issues of the target language, and the epistemological value of target texts is argued. Parallel text corpora are more often used in their comparative aspect, even though they have a significant content and epistemological potential for the systematization of linguistic knowledge about the target language as well. This work, carried out as a part of a general study of Japanese agentivity, describes an attempt to research the corpus material to identify recurrent patterns in the target language and to determine the distribution regularities of agentive features in Japanese. This paper was carried out using the material from the author's parallel Russian-Japanese corpus of fiction texts. The main criterion used to collect this dataset is the markedness of sentences with inanimate subjects, which is imposed by such cognitive and cultural factors as the linguistic and social subject-object hierarchy: human beings, as the highest creatures on the animacy scale, could not be affected by an inanimate subject. The set of grammatically non-identical components of the syntactic structure of the source and target texts identified in the material of the corpus became the starting point for a detailed analysis of the mechanism for distributing syntactic and semantic roles in a Japanese sentence.

Keywords: target texts, parallel corpus, epistemological potential, target language, agentivity, Japanese language

For citation: *Strizhak U.P.* (2023) Epistemological potential of target texts (on the material of the Russian-Japanese parallel fiction corpus). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 93–109. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109

The article was submitted on March 01, 2023;
approved after reviewing on April 24, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

Введение

В современном языкознании корпусные методы активно используются как для проверки существующих лингвистических теорий, так и для постановки новых, в том числе нетривиальных, задач по анализу языкового материала: лексикографических, семантических, синтаксических. Параллельные корпуса текстов чаще используются в сопоставительной перспективе: в рамках контрастивной семантики и лексикологии, в рассмотрении природы переводческих стратегий и изучении других аспектов теории перевода, в ходе филологического анализа в рамках сравнительного литературоведения и т.д.; реже можно встретить примеры использования параллельного корпусного материала в грамматических описаниях одного из языков. В программной работе по использованию параллельных текстов, определяющей архитектуру корпусных исследований, был поставлен вопрос о роли переводных текстов для теоретического языкознания, т.к. «опора на принципиально сопоставимые аутентичные тексты разных языков позволяет выявить часто неожиданные (как квазиуниверсальные, так и специфические) особенности функционирования языковой системы» (Добровольский, Кротова, Шаров, 2005, 271). Большое количество работ в этой области посвящено лингвоспецифичной лексике (Добровольский, 2009; Сичинава, 2011, 2013; Шмелев, 2015; Зализняк, 2015 и др.). Например, Д.В. Сичинава называет сопоставительные исследования реального корпусного материала «инструментом верификации утверждений о «языковой специфичности» тех или иных лексем» (Сичинава, 2013: 80). Анна А. Зализняк выделяет ряд признаков лингвоспецифичности лексем, которые могут быть установлены на материале корпусов параллельных

текстов на основе сопоставления исходных и переводных единиц с точки зрения их частотности, частеречного соответствия, степени неоднословности коррелятов и т.д. (Зализняк, 2015: 687–688). В недавнем контрастивном исследовании фразеологии Д.О. Добровольский подчёркивает, что «обращение к корпусным данным не только существенно улучшает кросслингвистические описания, но и меняет само представление о специфике фразеологии как особого фрагмента лексической системы языка» (Добровольский, 2020: 398).

Японские параллельные корпуса в настоящее время представлены в малом количестве и преимущественно на материале английского и реже — китайского языков¹; они в целом ориентированы на решение вопросов машинного перевода и сопутствующих проблем обработки японского текста. Но и они при внимательном рассмотрении предоставляют заинтересованным исследователям возможности использовать собранный материал для извлечения лингвистического знания об исходном и переводящем языках: как было сказано выше, обнаруживаемая в параллельных текстах (не)тождественность грамматического представления одного и того же фрагмента реальности не только обеспечивает эмпирическим материалом сопоставительные исследования, но и побуждает более пристально изучить эти явления во внутриязыковой перспективе. Например, авторы исследования по извлечению именованных сущностей на материале параллельного новостного японско-английского корпуса (Kumano et al., 2003: 21) обнаруживают повторяемое несовпадение временных форм (абсолютных в английском языке и относительных в японском), что отсылает нас к проблеме относительности как характеристике японской темпоральности (то же верно и в обратном направлении: англоязычные замещающие контексты, абсолютизирующие японские временные конструкции, помогают прояснить семантику времени в английском языке). Я. Фудзии в описании явления номинализации в английском языке (Fujii, 2019) уже отчётливо эксплицирует идею методологической ценности переводных корпусов, подчёркивая

¹ Обзор параллельных японских корпусов см. в журнале издательства Кэнкюся <https://www.kenkyusha.co.jp/modules/lingua/>. Русско-японские корпуса находятся в процессе разработки; напр., проект Минобрнауки под рук. Д.В. Сичинавы «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования», а также проект по русско-японским корпусам в рамках НКРЯ; проекты Центра цифровой лингвистики ИВ РАН под рук. А.В. Костыркина, отражённые в ряде его работ.

роль переводного текста, например, в различении предикато-ориентированности японского языка и субъекто-ориентированности английского: «Было бы трудно понять такого рода лингвистическое явление, используя словари; а совокупность межъязыковых сопоставлений в поисковых системах можно использовать для творческих открытий; например, такая система играет роль в получении достоверных доказательств структуры английского языка, ориентированной на существительные» (перевод мой — У.С.) (Fujii, 2019: 12). Наиболее выделяемой в проблемном поле сопоставительных исследований на англо-японском материале является проблема нулевой анафоры — и противопоставление языков обеспечивает богатую совокупность естественных контекстов, которая может послужить исследователям как при изучении способов разрешения анафоры в японском языке — при работе с нулевыми анафорическими местоимениями; так и при описании семантики английского артикля как показателя категории неопределённости. В корпусном исследовании бизнес-диалогов при описании разработки системы контекстно-зависимого машинного перевода (Riktors et al., 2021: 387–389) также подчёркивается трудность фиксации способов анафорических отсылок и отмечается, что корпусный материал побуждает исследователей языка уделять особое внимание подобным явлениям, связанным с высококонтекстностью японского языка. Например, обнаружение в параллельном корпусе значимого расхождения в вариативности обозначения нулевых референтов в результате «столкновения» японского текста с недифференцированностью местоимений в английском языке (Riktors et al., 2021: 390) даёт повод задуматься над иерархией субъектов взаимоотношений в разных языках и социумах, что ещё раз доказывает эпистемологическую ценность исследовательской работы с переводными текстами.

Итак, при сопоставлении параллельных текстов, на стыке нескольких языков отчётливо проявляется грамматическая нетождественность, истоки которой могут во многом прояснить природу переводящего языка — в этом видится эпистемологическая ценность перевода как процесса освоения опыта и мысли. Смещение фокуса в языке перевода высвечивает те устойчивые и неустойчивые части его конструкции, которые не всегда возможно обнаружить в ходе одноязычных теоретических описаний. Именно в непривычных, нарушающих норму принимающего языка условиях, задаваемых оригинальным текстом, язык как любая система идёт на компромисс в наименее значимых для себя элементах, но стре-

мится сохранить наиболее свойственные ей компоненты. В этом смысле корпусный материал является уникальной совокупностью аутентичных контекстов, точки асимметрии в которых при комплексном рассмотрении могут послужить ориентирами в процессе познания переводящего языка и, шире, принимающей культурной среды.

Таким образом, в работе с корпусами параллельных текстов важно использовать их значимый содержательный и эпистемологический потенциал для систематизации лингвистического знания о языках оригинала и перевода. В качестве примера в данной работе на материале авторского русско-японского параллельного корпуса художественных произведений будут рассмотрены возможности изучения японских переводных текстов для грамматического описания агентивности как универсальной макросемантической категории, определяющей иерархию актантов и, соответственно, синтаксическую структуру высказывания.

Перевод как инструмент познания и освоения опыта

Вопрос об онтологическом статусе переводных текстов активно дискутируется в научной литературе; их часто определяют как вторичные по отношению к оригиналу, тем самым лишая их самобытной ценности как текстов, рождённых в принимающей культуре. В определении роли перевода в процессе познания мы будем исходить из положения Н.К. Гарбовского, который обосновывает понятие «переводного дискурса», указывая на «онтологическую общность переводных текстов и некоторые общие закономерности их функционирования в дискурсивном пространстве принимающей культуры» (Гарбовский, 2011: 4), и далее отмечает: «Особый статус переводного дискурса, разумеется, не делает его чем-то абсолютно чуждым дискурсивным нормам принимающей культуры. Переводные тексты, несмотря на некоторую обособленность, всё же являются текстами, создаваемыми с учётом дискурсивных норм принимающей культуры» (Там же: 17). Похожая позиция, акцентирующая ценность переводных текстов, представлена и в ряде работ, определяющих терминологию современного переводческого дискурса: так, С.Ю. Бочавер и В.В. Фещенко в сопоставительном разборе подходов к определению перевода и трансфера указывают: «Переводной текст делает очевидным процесс переноса, заимствования из одной традиции в другую», подчёркивая, что результат переноса является самодостаточным и в той же степени легитимным,

что и оригинал (Бочавер, Фещенко, 2018: 43). Этими положениями о легитимизации методологического статуса переводных текстов и их ценности как материализованных засвидетельствований механизмов освоения иной языковой и культурной традиции мы и будем руководствоваться в своей работе.

Перевод — это особая форма взаимообогащения языков и культур; именно осознание *себя* в контексте наличия *иного* побуждает пересмотреть основы своего, в том числе языкового, существования и способствует познанию мира в его единстве. Н.К. Гарбовский в описании двунаправленности взаимодействия переводного текста и принимающей культуры подчёркивает не только влияние переводческой деятельности на состояние переводящего языка в виде обогащения дискурсивного пространства принимающей культуры, но и значимость обратного воздействия: «чрезвычайно важно понять, как влияет словесность переводящего языка на переводческую практику, на сознание переводчика, обуславливая его выбор тех или иных речевых форм» (Гарбовский, 2011: 5). Эта обусловленность позволяет сделать вывод о способности переводных текстов демонстрировать степень устойчивости в языке перевода тех или иных явлений: сила влияния принимающего языка в таком случае будет прямо пропорциональна количеству потерь и трансформаций при переводе тех или иных конструкций. Данные потери, с одной стороны, обусловлены обязательством переводчика перед оригиналом, а с другой стороны, определяются степенью строгости нормы языка перевода. В итоге переводные тексты являют собой совокупность компромиссных решений, по возможности нейтрализующих неизбежные семантические и грамматические расхождения с оригиналом; У. Эко образно называл этот процесс поиска компромиссов *переговорами*, «поскольку они (переговоры — У.С.) — именно такой базовый процесс, в ходе которого, дабы нечто получить, отказываются от чего-то другого; и в конечном счёте договаривающиеся стороны должны выйти из этого процесса с чувством разумного и взаимного удовлетворения, памятуя о золотом правиле, согласно которому обладать всем невозможно» (Эко, 2015: 26). Можно сказать, что в таком случае территорией поиска компромиссов являются проявления языковой нетождественности как зона столкновения интересов двух сторон (текстов), каждая из которых стремится пожертвовать наименее значимым для себя и оставить наиболее ценное, что не может стать предметом договорённостей. Соответственно, предмет компромисса — это *степень* принятия или отторжения чужого и

сохранения своего. М.Л. Гаспаров предлагает следующую формулу, примиряющую всех участников переводческого процесса: «Перевод есть равнодействующая того, что переводчик должен, может и хочет: что он должен, задаёт подлинник, что он может, определяют средства его языка; что он хочет — это его предпочтения и вкусы» (цит. по: Автономова, 2016: 514). В рамках данной работы наиболее значима вторая переменная данной формулы — обусловленность переводческого решения средствами языка; это положение подтверждает методологическую установку на использование переводных текстов для описания грамматических свойств переводящего языка и, шире — познания особенностей принимающей культуры.

Таким образом, анализ переводных текстов, ставящий своей целью поиск, систематизацию примеров и последующее объяснение механизмов отторжения *чужого*, может помочь определить устойчивые сложившиеся в переводящем языке языковые модели: чем сильнее сопротивление принимающего языка, тем более устойчивой в нём является данная структура. В таком понимании совокупность переводческих решений как объективированных, явленных в языковых знаках результатов освоения чужого опыта предстаёт как инструмент к пониманию природы переводящего языка. Н.С. Автономова в общефилософской перспективе представления языка обращается к переводу как к особой форме практики и познания, и отмечает: «в анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, чего обычно не удаётся увидеть в других формах и видах познания: а именно как различные слои и фрагменты опыта переходят из сферы неявного и невыраженного в регистр того, что доступно операционализации и интерсубъективной проверке» (Автономова, 2016: 23). Параллельный текстовый материал, несомненно, является адекватной эмпирической базой для такого *измерения не-измеряемого* — в этом видится эпистемологическая ценность переводных текстов как инструмента познания языка перевода.

Основываясь на изложенных выше теоретических положениях, попробуем далее выделить закономерности в распределении агентивных признаков субъекта и предиката в японском языке путём поиска повторяющихся соответствий: «Перевод устанавливает прямую связь между исходным и переводным текстами, поэтому параллельные корпуса могут использоваться для наблюдения повторяющихся моделей соответствия. Таким образом, исследователь может сосредоточиться на конкретной особенности <...> перевод-

ного языка и искать закономерности, которые её вызывают» (перевод мой — У.С.) (Zanettin, 2014: 188–189). Переводные тексты помогут проверить «пределы гибкости и растяжимости смыслов» (Эко, 2015: 14) — иными словами, будут способствовать определению устойчивых грамматических свойств переводящего языка путём определения его реакции на инородность оригинального контекста.

Корпусное исследование: особенности взаимодействия актантов

Материалом исследования послужил авторский параллельный русско-японский корпус художественных произведений, в котором задокументированы и синтаксически размечены предложения, отобранные методом сплошной выборки из 35 русских литературных текстов (всего 2052 примера), и их японские корреляты, от одного до пяти на каждую исходную единицу (хронологический охват более 100 лет, с 1914 по 2018 гг.). Критерием отбора стала когнитивная маркированность высказывания с неодушевлённым субъектом при антропоориентированном агентивном предикате, например: *этот случай ободрил его*. Такие структуры нарушают японскую языковую норму в силу строгого приоритета в японском языке одушевлённого субъекта. Анализ совокупности переводческих решений позволит типизировать механизмы сопротивляемости японского языка такому когнитивно инородному способу представления действительности и определить вектор субъектно-объектного взаимовлияния в японском высказывании.

В рамках сопоставительного подхода к изучению корпусных данных, содержательная суть которого была описана выше, мы воспользуемся унидирекциональным методом контрастивного анализа, предложенным Анной А. Зализняк: «сопоставление двух языков является не целью, а лишь инструментом анализа одного из них: перевод (т.е. решение, реально принятое переводчиком) некоторой лексической единицы русского языка рассматривается как источник сведений о его семантике. Причём в этих целях используется как прямой, так и обратный перевод: соответственно, в случае обратного перевода в качестве свидетельства о семантике анализируемой единицы русского языка рассматриваются условия её появления в переводе» (Зализняк, 2015: 684). Применительно к материалу исследуемого в данной работе корпуса стимулами²

² Термин «стимул перевода» как исходная конструкция в оригинальном тексте, в качестве «реакции», на которую в переводе появляется исследуемая языковая единица, вводится группой исследователей в (Loiseau et al., 2013).

выступают оригинальные русские предложения, а совокупность переводческих решений анализируется в качестве обобщённой реакции японского языка на нарушение нормы как «раздражающего» стимула.

Для количественного анализа корпусные данные были формализованы путём ранжирования. Предикатам переводных конструкций были приписаны ранги в соответствии со степенью выраженности у них агентивных признаков; неодушевлённые субъекты также были ранжированы согласно степени их соответствия прототипическому деятелю, измеряемой отдалённостью и принципиальной возможностью отчуждения от человека и в соответствии с выраженностью агентивных характеристик: автономность, контролируемость, волитивность и др. Результаты количественного анализа корпуса переводческих решений показали следующее.

1. Итоговый расчёт коэффициента агентивности японского высказывания, определяемый в рамках композиционного анализа и учитывающий вклад двух главных переменных (степень агентивности субъекта и предиката), нормированный по максимальному значению для определения относительной величины, показывающей вклад двух признаков в общее значение, показал, что исходный уровень агентивности в оригинальном тексте (1^{\max}), в японском переводе снижается до 0,41. Самый частотный способ грамматической трансформации — субъектно-объектная замена с возвышением человека на позицию главного аргумента, например: *никакие неудачи его не смущали* → *donna shippai ni to kujikezu* ‘он не сломался ни из-за каких неудач³ или *чувство беспомощности охватывало меня* → *watashi wa turyokukan ni ibawareta* ‘чувством беспомощности я был охвачен⁴. Такое антропоориентированное смещение фокуса составило больше половины случаев (1075/2052, 52%), что подчёркивает естественность фокусизации человека как центра события в японском языковом сознании.

2. Примеры сохранности неодушевлённого каузатора (977/2052, 48%) составили неоднородное поле субъектно-объектной связи: варианты полной синтаксической эквивалентности (*заботы беспрестанно мучили её* → *shinrou ga taezu kanojo wo kurushimete ita*

³ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Пер. И. Камэяма, 2009.

⁴ Стругацкие А.Н. и Б.Н. Понедельник начинается в субботу. Пер. Т. Фуками, 1989.

‘заботы беспрестанно мучили её’⁵) чередуются с частыми случаями снижения агентивности высказывания путём уменьшения акциональной насыщенности предиката: *жар донимает* → *atsusa ga hidoku* ‘жара ужасная’⁶ или *поглощённый одной мыслью* → *otomoi shika nentou ni wa nakatta* ‘только эта мысль была в голове’⁷). У каждого из шести типов неодушевлённого деятеля были вычислены средний ранг предиката, аргументом которого они являются (при $\text{ранг}^{\text{max}} = 6$), и степень их сохранности в переводном тексте (=уровень допустимости такого типа субъекта на ведущую синтаксическую роль из 1^{max}): психофизическое проявление человека 4,84/0,49; интеллектуальное проявление человека 4,83/0,51; социальное проявление человека 4,70/0,32; обстоятельства, ситуация 4,72/0,43; природное явление, стихия, непреодолимая сила 4,86/0,59; предмет 4,33/0,48.

Результирующие показатели в совокупности следуют логике антропоцентричности (см. высокие значения психофизики и интеллекта) за единственным исключением: количественный анализ показал наличие значимого выброса значений в отношении типа субъекта ‘природные явления’: данная категория неожиданно обнаружила самые высокие агентивные свойства (см. самый высокий показатель сохранности 0,59 и среднего значения ранга предиката, управляющего субъектами природной и др. непреодолимой силы).

С одной стороны, это можно объяснить сущностными агентивными свойствами природных явлений: они обладают внутренней энергией, условной автономностью, характеризуются неконтролируемостью, и наоборот, даже в некотором смысле контролируют наши действия (например, невозможность выйти на улицу во время сильного дождя или вынужденная покупка тёплой одежды для защиты от холода). С другой стороны, этот непрогнозируемый выброс значений как результат количественного анализа большого массива данных обращает нас и к размышлениям об аксиологических характеристиках природы в японском обществе, где она наделена жизненной творящей силой и особым онтологическим статусом, обуславливающим непротиворечие японцев природному ритму и их стремлению следовать естественному природному пути. Эта корпусная находка показывает, что эпистемологическая ценность работы с параллельными текстами заключается и в том,

⁵ Толстой Л.Н. Анна Каренина. Пер. Т. Мотидзуки, 2008.

⁶ Каверин В.А. Два капитана. Пер. Я. Ирия, 2012.

⁷ Булгаков М.А. Собачье сердце. Пер. Т. Мидзуно, 1982.

что большие корпусные данные обладают свойством выдавать непрогнозируемые значения и задавать нетривиальные исследовательские направления; об этом будет сказано в п. 4.

3. Перераспределение в японских текстах агентивной нагрузки переводных предикатов также продемонстрировало общее смещение фокуса: большая часть исходных высококаузативных глагольных форм переместилась влево по шкале агентивности и перешла в разряд непереходных, вплоть до выраженных номинативно: *Столкнула их на углу Тверской и переулка сама судьба* → <...> *deai ga imtei sonotono ni hoka narazi* 'Их встреча <...> была не чем иным, как судьбой'⁸. Низкоагентивные свойства обнаружили у более чем половины переводных корпусных вхождений предикатов (1110/2052, 54%), а самая частотная пара «субъект + предикат» среди японских коррелятов представила собой сочетание «человек + статив»⁹. Например: *этот роман поглотил и незнакомку* → *mishiranu onna mo kono shousetsu ni michuu ni natta* 'Этим романом и незнакомка была одержима'¹⁰ или *другие заботы поглощали её* → *hoka no shinraigoto de teippai datta* 'другими заботами была переполнена'¹¹.

4. Описанная выше деагентивизация предикатов обусловила снижение их валентности и, как следствие, уменьшила количество партиципантов события — это тоже было зафиксировано как свидетельство низкой агентивности японского языка, подтверждённое материалом переводных текстов. В отношении этого показателя обнаружилась ещё одна неожиданная закономерность, ставшая основанием для выделения нового в японистике явления когнитивной амортизации. В ходе кластеризации данных в отдельную группу выделились предложения, где количество партиципантов превосходило исходное: появился повторяющийся дополнительный участник, типизированный по предметному содержанию как соматический актант: *никакие неудачи его не смущали* → *donna shiprai ni mo kesshite atama wo kakaekomana* 'никакими неудачами он не занимал свою голову'¹². Была определена его функция: в описании каузативных процессов он сужает область воздействия до определённого органа, уточняет точку приложения каузативной силы и

⁸ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Пер. Т. Мидзуно, 2008.

⁹ Ранг предиката, управляющий одушевлённым субъектом — 3,02 из 6^{max}, самый низкий за счёт форм страдательного залога, стремящихся возвыситься в позиции пациенса именно человека.

¹⁰ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Пер. А. Хоки, 2000.

¹¹ Тургенев И.С. Первая любовь. Пер. К. Дзиндзай, 1952.

¹² Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Пер. С. Кудо, 1961.

смягчает высказывание за счёт сужения воздействия¹³. Таким способом японский язык сглаживает несвойственную ему когнитивно избыточную каузацию. У. Эко образно обозначил похожую процедуру как «усыпление контекстуально второстепенных свойств»: «Вести переговоры <...> — значит решить, какие свойства должны считаться контекстуально второстепенными, чтобы их можно было, так сказать, «усыпить» (Эко, 2015: 220). В данном случае наблюдается *усыпление* несвойственного японскому языку центра приложения каузативной силы со смещением его на соматическую периферию; и вся вышеописанная совокупность переводческих решений также результирует общее *усыпление* японской агентивности, обнаруженное путём корпусного анализа переводов.

Заключение

Итак, в работе были описаны возможности реализации эпистемологического потенциала переводных текстов. Совокупность выявленных грамматически нетождественных компонентов синтаксической структуры исходного и переводного текста стала отправной точкой последующего детального разбора механизма распределения синтаксических и семантических ролей в японском предложении. Эмерджентные свойства корпуса как системы позволили обнаружить и описать не рассматриваемые ранее в японистике аспекты высокоагентивных процессов (когнитивную амортизацию и особые характеристики представления природной силы в японском языке). В целом, результаты корпусного анализа параллельных текстов позволили выделить и системно описать особенности иерархии актантных ролей в переводящем языке, обуславливаемые выраженностью их агентивной нагрузки. Обоснованность полученных результатов была обеспечена большим

¹³ Это свойство языкового материала обнаруживать новые смыслы было описано Н.К. Гарбовским как **эмерджентность** системы, в частности — переводческой деятельности (Гарбовский, 2015: 18). Далее это положение развивалось в междисциплинарном разрезе; эмерджентность как свойство языка в значении приращения смысла в языковых структурах, возникающего в силу личностного восприятия речевой ситуации подробно описана в (Альбеков, 2020: 174). Корпусный материал, на наш взгляд, обладает эмерджентностью как свойством непрогнозируемого выделения признаков, которые трудно предсказуемы или вовсе невыводимы из языковых данных, не связанных параллельностью текстового материала; именно таким путём в данной работе были выделены каузирующие свойства субъектов природной силы и дополнительные соматические актанты. Такие возможности во многом обусловлены рассмотренным в теоретическом разделе уникальным свойством параллельных текстов — разнонаправленностью результирующих векторов в описании одной ситуации.

массивом данных и диверсифицированным характером корпусного материала. Полученные результаты, несомненно, могут и должны быть уточнены и скорректированы путём дальнейшего расширения выборки с привлечением постоянно обновляющихся инструментов корпусного анализа.

В качестве основного направления дальнейшей работы по данной теме видится проведение сопоставительного анализа корпусов переводных и оригинальных японских текстов; методология такого исследования уже зарекомендовала себя в научном поле. Кроме того, в ходе работы стали очевидны и дальнейшие возможности параллельного корпусного материала: помимо анализа языковых расхождений, которые высветили новые направления изучения агентивных свойств японских вторичных актантов, неоднозначности японского падежного варьирования, лексической многозначности и т.д., стал понятен эпистемологический потенциал данных метаразметки для определения характера переводческой деятельности в Японии в диахроническом аспекте за последние 100 лет. Также видится необходимым и перспективным привлечение англоязычных переводов размеченных текстов для расширения эмпирической базы, демонстрирующей эпистемологическую ценность перевода как способа познания и освоения опыта в разноязычных контекстах.

Список литературы

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.

Альбеков Н.Н. Эмерджентность языковой системы как результат функционирования речевых единиц: дисс. ... д-ра фил. наук: 10.02.19. Грозный, 2020. 332 с.

Бочавер С.Ю., Фещенко В.В. Перевод и трансфер как две лингвистические, культурологические и когнитивные процедуры // Когнитивные исследования языка, 2018. № 32. С. 36–47.

Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 1. С. 3–20.

Гарбовский Н.К. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 4. С. 3–19.

Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020, № 17 (3). С. 398–411.

Добровольский Д.О., Кретова А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индриск, 2005. С. 263–296.

Зализняк А.А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2015. Вып. 14 (21). Т. 1. С. 683–695.

Сичинава Д.В. Параллельные корпуса в составе национального корпуса русского языка как инструмент лексико-грамматической типологии // *Tipología léxica* / Eds. R. Guzmán Tirado, I. Votyakova. Granada, 2013. С. 77–82.

Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 2015. Вып. 14 (21). Т. 2. С. 584–595.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: Издательство АСТ; CORPUS, 2015. 736 с.

Fujii Y. (2019) Making the Most of Search Engines for Japanese to English Translation: Benefits and Challenges. *Asian EFL Journal*. No. 23, pp. 1–36.

Kumano T., Kashioka H., Tanaka H., Fukushima T. (2003). Construction and Analysis of Japanese-English Broadcast News Corpus with Named Entity Tags. Proc. Workshop on Multilingual and mixed-language named entity recognition. Morristown, pp. 17–24.

Loiseau S., Sitchinava D.V., Zalizniak Anna A., Zatsman I.M. (2013). Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian-French multivariant parallel corpus. *Информатика и её применения*. Т. 7, вып. 2. С. 100–109.

Rikters M., Ri R., Li T., Nakazawa T. (2021) Japanese-English Conversation Parallel Corpus for Promoting Context-aware Machine Translation Research. *Journal of Natural Language Processing*. No. 28(2), pp. 380–403.

Zanettin F. (2014) *Corpora in Translation. Translation: A Multidisciplinary Approach*. Palgrave Macmillan, pp. 178–199.

References

Avtonomova N.S. (2016) *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka = Cognition and translation. Experiences in the philosophy of language*. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnyh initsiativ. 736 p. (In Russian).

Al'bekov N.N. (2020) Emerdzhentnost' yazykovoj sistemy kak rezul'tat funkcionirovaniya rechevyh edinic = The emergence of a language system as a result of the functioning of speech units: dis...d-ra fil. nauk: 10.02.19. Groznyj. 332 p. (In Russian).

Bochaver S. Yu., Feshchenko V.V. (2018) *Perevod i transfer kak dve lingvicheskie, kul'turologicheskie i kognitivnye procedury = Translation and transfer as two linguistic, cultural and cognitive procedures. Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 32, pp. 36–47 (In Russian).

Dobrovol'skij D.O. (2020) *Korpusnyj podhod k issledovaniyu frazeologii: novye rezul'taty po dannym paralel'nyh korpusov = Corpus approach to the study of phraseology: new results based on data from parallel corpora*. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature*. No. 17 (3), pp. 398–411 (In Russian).

Dobrovol'skij D.O., Kretova A.A., Sharov S.A. (2005) Korpus parallel'nyh tekstov: arhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya = Corpus of Parallel Texts: Architecture and Possibilities of Use. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Moscow: Indrik, pp. 263–296 (In Russian).

Eko U. (2015) Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode = To say almost the same thing. Experiences on translation. Mosco.: Izdatel'stvo AST; CORPUS. 736 p. (In Russian).

Fujii Y. (2019) Making the Most of Search Engines for Japanese to English Translation: Benefits and Challenges. *Asian EFL Journal*. No. 23, pp. 1–36.

Garbovskij N.K. (2015) Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy = Systemological model of the science of translation. Transdisciplinarity and the system of scientific knowledge. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 3–20 (In Russian).

Garbovskij N.K. (2011) Perevod i "perevodnoj diskurs" = Translation and "translated discourse". *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–19 (In Russian).

Kumano T., Kashioka H., Tanaka H., Fukushima T. (2003) Construction and Analysis of Japanese-English Broadcast News Corpus with Named Entity Tags. Proc. Workshop on Multilingual and mixed-language named entity recognition. Morristown, pp. 17–24.

Loiseau S., Sitchinava D.V., Zalizniak Anna A., Zatsman I.M. (2013) Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian-French multivariant parallel corpus. *Informatika i ee primeneniya*, Vol. 7, Issue 2, pp. 100–109.

Riktors M., Ri R., Li T., Nakazawa T. (2021) Japanese-English Conversation Parallel Corpus for Promoting Context-aware Machine Translation Research. *Journal of Natural Language Processing*. No. 28 (2), pp. 380–403.

Sichinava D.V. (2013) Parallel'nye korpusa v sostave nacional'nogo korpusa russkogo yazyka kak instrument leksiko-grammaticheskoy tipologii = Parallel corpora within the national corpus of the Russian language as a tool of lexical and grammatical typology. *Tipología léxica*. Eds. R. Guzmán Tirado, I. Votyakova. Granada, pp. 77–82 (In Russian).

Shmelev A.D. (2015) Russkie lingvospecifichnye leksicheskie edinicy v parallel'nyh korpusah: vozmozhnosti issledovaniya i "podvodnye kamni" = Russian language-specific lexical units in parallel corpora: prospects of investigation and "pitfalls". *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vol. 2, Issue 14 (21), pp. 584–595 (In Russian).

Zaliznyak Anna A. (2015) Lingvospecifichnye edinicy russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza = Russian linguistic-specific words as an object of contrastive corpus analysis. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Issue 14 (21). Vol. 1, pp. 683–695 (In Russian).

Zanettin F. (2014) Corpora in Translation. Translation: A Multidisciplinary Approach. Palgrave Macmillan, pp. 178–199.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Стрижак Ульяна Петровна — кандидат педагогических наук, доцент, академический руководитель образовательной программы «Востоковедение», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11; ustrizhak@hse.ru.

ABOUT THE AUTHOR:

Ulyana P. Strizhak — Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Academic Supervisor of the Asian Studies Educational Program, National Research University Higher School of Economics, 11 Pokrovsky Bulvar, Moscow 109028, Russia; ustrizhak@hse.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.